

Key words: artistic perception, the author-reader relationship, types of reader, receptive strategies of the work, receptive aesthetics, receptive poetics.

*Н. А. Потребя
(Бахмут)*

УДК 82.04 65

ВОСТОЧНЫЙ ОБРАЗ ХРАМА В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА БУНИНА

Для читателя конца XIX–начала XX века понятие «Восток» включало в себя жизнь народов довольно обширного региона: это страны Ближнего и Среднего Востока (Палестина, Аравия, Турция, Иран), Северной Африки (Египет, Тунис), Дальнего Востока.

В нашей работе мы анализируем восточные мотивы и образ храма в творчестве И. А. Бунина.

Конец XIX– начало XX века в России – это время, которое ознаменовалось необычайным расцветом науки, искусства, музыки, философии и религиозной мысли. Это эпоха творческого подъема духовных сил общества, давшая миру выдающихся поэтов, писателей, художников, философов и общественных деятелей.

Стремление к осознанию исторического места России и ее роли в традиционном противопоставлении Востока и Запада стало одной из причин обращения к теме Востока в творчестве поэтов и писателей этого периода.

Важную роль в бунинском обращении к теме Востока играли путешествия писателя в страны Ближнего и дальнего Востока, предпринятые в 1903, 1907 и 1910-1911 годах. И. А. Бунин так говорил о своем отношении к этим поездкам: «Я много жил в деревне, много путешествовал по России и за границей: в Италии, в Турции, на Балканах, в Греции, в Палестине, в Египте, в Алжирии, в Тунизии, в тропиках. Я, как сказал Саади, «стремился обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей», меня занимали вопросы

психологические, религиозные, исторические». Писателя вдохновлял Коран, творчество арабских поэтов. Бунин детально исследовал историю, этнографию, географию Востока, что позволило ему быть создателем оригинальных произведений. Сам же Бунин так поясняет главную причину своего влечения к Востоку: это «жажда жить <.> не только своим настоящим, но и <.> тысячами чужих жизней, <.> современным мне и прошлым, всей историей всего человечества со всеми странами его» [1, т. 1, с. 386].

Осмыслению темы Востока в творчестве Бунина в разных ее аспектах посвящен ряд литературоведческих работ современных исследователей.

Одним из первых исследований этой темы можно считать статью О.В. Сливацкой «Бунин и Восток (К постановке вопроса)». В этой статье автор выделяет несколько аспектов бунинского обращения к теме Востока. Философский аспект, по мнению автора статьи, связан с осмыслением писателем основных тезисов буддизма, который «воспринимался Буниным не как ортодоксальная религия, а в плоскости философской, этической и эстетической» [6].

Ряд вопросов, связанных с философской и этической проблематикой прозаических произведений И. А. Бунина, рассматривается в статье О. В. Солоухиной «О нравственно-философских взглядах И. А. Бунина» [7]. Влияние на сюжетный и образный ряд произведений И. А. Бунина восточных притч, легенд и литературных источников рассматривается в статье Т. Лобановой «Ориентальная проза И. Бунина и духовно-эстетическое наследие народов Востока» [4]. Освещению темы Востока в связи с творческим методом и стилевыми исканиями Бунина посвящены работы Э. И. Денисовой «Лирика Бунина: концепция времени» и «Восток и поэзия Бунина [2]. Таким образом, в своих произведениях Бунин даёт подробный информационный материал о религиозной культуре.

Однако наше исследование позволяет сделать вывод, что у Бунина интерес к Востоку не был религиозным самоопределением, этот интерес скорее

носил эстетический и одновременно глубоко этический характер. Бунин никогда не пытался предпринимать сколько-нибудь решительных шагов к какой-либо восточной мировоззренческой концепции вероисповедания. Веря в заповеди Библии, уважая мудрость Корана, он, тем не менее, относился к религии – христианской ли, буддийской, мусульманской – как к одной общей для всего человечества идее, воспитывающей в людях любовь друг к другу, уважение и братство. Бунин рассматривал любые религии как ценности, являющиеся достоянием всей человеческой истории. Обращаясь в своих философских поисках к Востоку, он видит в нём саму суть общечеловеческих духовных устремлений.

Исследователь бунинского творчества Томас Гайтон Марулло считает, что «среди всех форм веры, которые И. А. Бунин проповедовал и применял за свою литературную жизнь, развитие его творчества питал постоянный интерес к буддизму» [5, с. 13]. В целом можно сказать, что И. А. Бунин усвоил метод и принципы буддизма, но многое и упростил в этом учении. На наш взгляд, важным для И. А. Бунина в учении Будды была память. Память для него становилась главным проводником в поисках истины. Она позволяла прикоснуться к вечному, к тому, что было на земле, к векам и странам. А цепь причинности являлась основной преградой на пути бунинской мысли. Зная основное направление творчества Бунина, стремление к Истине, к Вечности, и представив движение в пространстве в цепи причинности, то вполне понятно, что для писателя многое в буддизме было неприемлемо. Главным для писателя всегда было движение, именно оно становится и путем познания, и путем развития, изменения, трансформации, но только тогда, когда оно связано с вертикальной осью пространства – устремлением к высшим, внепространственным ценностям. Движение возможно как вверх, так и вниз. Перемещение по низу пространства можно уподобить к неподвижности: пути по горизонтали – это путь по кругу, когда практически ничего не происходит, лишь поиск в памяти прошлого, обретение покоя, осознание бессмысленности

движения по горизонтали, когда необходимо найти выход из данной обстановки. В этой ситуации можно говорить о ризомности горизонтального пространства, которое варьируется, преодолевает преграды, и переходит на другую ступень развития.

Рассмотрим восточный образ храма в творчестве И. А. Бунина. Образ храма в литературе кроме типологических характеристик определенного художественного стиля отражает и национальную картину мира. Анализируя образ храма, В. А. Доманский [3, с. 227] выделяет три архитектурных образа, три типа храмов, в которых выражены в наиболее концентрированной форме особенности менталитета людей Востока, Запада и России. Это китайская пагода, западноевропейский готический храм и русский православный храм. Эти три образа символизируют три художественные и одновременно три религиозные картины мира, которые нашли свое отражение в литературных текстах.

Восточный храм с раскинутыми вширь многоярусными пагодами символизирует собой плавный переход от земли к небу, в отличие от дерзкого взлета к небу и отрыва от земли в готическом храме. Вместе с тем это и концепция времени: в западном мире – представление о линейном времени, где не существует обратимости времени; в восточном мире пагода отражает представление о цикличности движения времени туда и обратно, движение по спирали. Главные архитектурные элементы, которые служат для художественного воплощения этих идей – это горизонталь в восточном храме и вертикаль в западном.

В поэме «Тень птицы» [1, т. 2, с. 5-24] герой посетил Турцию и в Стамбуле совершил экскурсии по святым местам. В его описаниях часто присутствуют сравнения «гляжу на приземистый купол Софии, в котором есть что-то непередаваемо-древнее, как в куполе синагоги», «Возвышается София над городом, как корабль на якоре! – говорили когда-то. Теперь она осела, затерялась среди новых мечетей». Оппозиция «возвышается – осела»

указывают на изменение размера Софии. Дворец небольшой, «из серого камня, прост, груб, как крепостная тюрьма». Бунин сравнивает святое место с тюрьмой, чтобы подчеркнуть чуждость древнего дворца по отношению к современности. Он не заметен среди новых строений, но в веках он останется святым местом.

Круглая и квадратная планировка храмов с входом – это проекция неба с воротами или дверьми, через которые проходят ветры, облака. Храм повторяет форму неба «Ая-София... – одно из чудес земли – древне-приземистый, первобытно-простой, огромный и единственный на земле по легкости полушар-купол. И четыре стража этой грубой громады, скрывающей в недрах своих сокровища искусства и роскоши, четыре белых минарета исполинскими копьями возносятся по углам ее в синюю глубину неба». Четыре стража – минарета как опоры, которые поддерживают небо и образуют «потолок» в виде свода. Путь к храму также труден, как и путь на небо. Попасть на небо, значит, перейти из земного пространства в подземное, а затем в небесное пространство. Вход в храм «я опять не сразу нашел бы его, но Герасим (проводник) уже идет в какой-то узенький переулок, поворачивает в другой и по отлогому спуску, мощенному камнем, мы подходим к боковому portalу, завешенному тяжелой завесой из буйволовых кож. Дико это, первобытно, но как хорошо!».

Как было сказано выше, храм – замкнутое пространство, ограничивающее свободу. Поэтому Бунин вводит что-то, что разбивает это пространство. В данном случае – это «шестьдесят окон пробиты купол, и никогда мне не забыть радостного солнечного света, который столпами озаряет из этой опрокинутой чаши всю середину храма!» Затем он вводит описание дворца и ниже напоминает о связи небесного пространства с храмом и с собой «надо мной – светоносный купол, горячее солнце золотистым потоком льется на меня сверху». Одним предложением Бунину удается соединить три пространства – «большое», «малое» и внутреннее. «Из древней амбразуры открытого окна снова тянет на меня теплом солнечного света и свежестью снега. Я подхожу – и

ласковый ветер ударяет мне в лицо, розовая голубка срывается с подоконника в простор весеннего воздуха». Солнечный свет, ласковый ветер – посланники неба.

В описании внутреннего убранства Софии царит величие. Это достигается употреблением кратких форм прилагательных в начале предложений «первобытно-просты огромные железные люстры», «величава и сумрачна окраска», «почти страшен возвышающийся среди них образ спасителя»; отсутствием глаголов в предложениях «Жутки чуть видные лики апокалиптических шестикрылых ангелов в углах боковых сводов», «Строги фигуры святых в выгибах алтарной стены».

Башни являются связующими звеньями между храмом и небом. Поэтому башня Христа как бы приблизила героя поэмы к небу и связала их навеки «на башне Христа... теплый, сильный ветер гудит за мною в вышке, пространство точно плывет подо мною, туманно-голубая даль тянет в бесконечность». В словаре символов голубой цвет отражает непостижимое, чудесное, отвлеченное. Во всех мифологиях ассоциируется с божеством – «приближалось страшное и сладчайшее «исчезновение в боге и вечности».

Путешествия на Восток – это своеобразное паломничество к «Алтарям Солнца», которые повсюду разбросаны по земле. Почти в каждой поэме мы встречаем подобный алтарь, посещение которого является кульминацией произведения: «Слава Богу, день солнечный – и я опять увижу Ая-Софию в солнечное весеннее утро» («Тень птицы»), в поэме «Море богов» «Алтарем Солнца» становится Акрополь.

Алтарь – это микроскопическая имитация Сотворения Мира, которая показывает, что данное место освящено небом. «Божественное совершенство Акрополя раскрывает один взгляд на него». Как к любому храму к Акрополю ведет лестница. К храму Победы «я поднялся по скользким плитам». Путь к Богу не бывает легким. Описание храма дано в мельчайших подробностях на фоне неба «меня озаряет сине-лиловый пламень неба, налитого между руинами

храмов, между золотисто обожжённым мрамором колоннад и капителей, между желобчатыми столпами такой красоты, мощи и стройности, пред которыми слово бессильно». Бунинское восприятие цвета совпадает с их значением в словаре символов. Синий цвет – цвет покоя и мощи цивилизации; символизирует дух и истину, лиловый – подчеркивает таинственный цвет пространства, золотистый – повсеместно связывается с солнцем. Можно сказать, что цвет несет смысловую нагрузку, он связывает небо, пространство, солнце, храм.

В поэме «Свет зодиака» [1, т. 2, с. 36] герой прибывает в Каир. Этому городу тысяча триста лет и он основан «милостью и велением бога». Все в нем священо. «В нем полтысячи мечетей, а вокруг него, в пустыне, – сотни тысяч могил. Мечети и минареты царят надо всем». Небо царит над храмом, храм над людьми, поэтому мечети сравниваются с людьми, населяющими Египет «Мечети плечисты, полосаты, как абай, все в огромных и пестрых куполах-тюрбанах. Минареты высоки, узорны и тонки, как пики». Сравнение с пиками указывает на то, что народ на протяжении веков отстаивал свою страну, чтобы сохранить все священные места. В пустыне об этом напоминают сотни тысяч могил.

Мечети Каира сложены из порфира и гранита разрушенных пирамид и герой поэмы отправляется к пирамидам Гизе и Саккара, чтобы понять всю старину Египта. По пути к пирамидам ему в который раз открывается связь небесного пространства с земным «Необъятное пространство между небом, пустыней и долиной Каира... С минаретов понеслись к бледному бездонному небу древне-печальные прославления богу». Проводник показал колодец халифа Юсуфа. «Колодец глубок, как преисподняя». Египет – это священная земля, которая является осью Мира и точкой соприкосновения Неба, Земли и Ада. Колодец представлен воплощением Ада. Черный цвет также подчеркивает «дыхание смерти», выходящее из песков. Повторение прилагательного «черный» в начале каждого предложения связывается со смертью «...звездное

небо принимает» вид лучистых алмазов на черно-бархатном покрове гроба». Черное! Сколько тут черного! Черны были платки таинственных азиатских кочевников... Черны были Аписы Мемфиса. Черным гранитом лоснились скаты пирамиды Хуфу. Семусином – черно-пламенным ураганом песков – прошел по Египту Камбиз... на пути к черной Нубии. И вот тогда-то и дохнуло на Египет дыхание смерти». Мечети, минареты, гробницы, пирамиды – хранят память обо всех смертях. Они связывают Ад с Небом.

Мы рассмотрели образ храма в «путевых поэмах» «Тень птицы». Типы храмов различные, но они устанавливают связь человека с тем самым Всебытием, где только и может определиться местоположение и значимость человека. Таким образом, в различные периоды своей жизни писатель опирался на положения буддийского вероучения при создании своей собственной концепции бытия мира и человека, рассмотрении важнейших для его миропонимания проблем жизни, любви, смерти, смысла существования. Несмотря на то, что было много исследований в отношении темы «Бунин и Восток», эта тема не может быть исчерпана по той простой причине, что многообразно и уникально творчество Бунина, широк и разнообразен, оригинален Восток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр.соч. в 6 т. Москва: Художественная литература, 1987-1988. Т. 4. 1988. С. 265–536.
2. Денисова Э. О. Восток и поэзия Бунина. *Писатель и время*. Вып. 1. Ульяновск, 1975. С. 166–167.
3. Доманский В. А. Культурологический подход к изучению словесности в школе. Москва: Флинта Наука, 2002. 367 с.
4. Лобанова Т. К. Ориентальная проза И. Бунина и духовно-эстетическое наследие народов Востока. *Русская литература и Восток (Особенности художественной ориенталистики XIX-XX вв.)*. Ташкент: Издательство «ФАН» УССР, 1988. С. 69–91.

5. Марулло Т. Г. Если ты встретишь Будду... Екатеринбург, 2000. 250 с.

6. Сливичкая О. В. Бунин и Восток (к постановке вопроса). *Материалы межвузовской научной конференции, посвящённой творчеству И. А. Бунина. Елец, октябрь 1969.* Воронеж, 1971. С. 87–96.

7. Солоухина О. В. О нравственно-философских взглядах Бунина. *Русская литература.* 1984. № 4. С. 47–59.

АНОТАЦИЯ

Потреба Н. А. Східний образ храму у творчості Івана Буніна.

У статті визначається ставлення І. Буніна до основ буддійського віровчення, його філософської та морально-етичної складових, розкривається можливе коло джерел зародження інтересу Буніна до буддизму, які вплинули на осягнення письменником світу Сходу. Також, зроблена спроба простежити динаміку сприйняття Буніним основних постулатів буддизму. У своїх творах російський митець пропонує детальний інформаційний матеріал про релігійну культуру. Підкреслено, що у Буніна інтерес до Сходу не був релігійним самрвизначенням, а мав естетичний та одночасно глибокий етичний характер.

Ключові слова: образ храму, картина світу, буддизм, простір, пам'ять.

SUMMARY

Potreba N. A. Oriental Image of the Temple in the Works of Ivan Bunin.

The article defines the attitude of I. Bunin towards the basics of Buddhist doctrine, its philosophical and moral-ethical components, reveals a possible circle of sources of Bunin's interest in Buddhism, which influenced the writer's comprehension of the Eastern world, traces the dynamics of Bunin's attitude towards the basic tenets of Buddhism. In his works, Bunin gives detailed information on religious culture. However, it should be noted that Bunin's interest in the East was not religious self-determination, this interest was rather aesthetic and at the same time deeply ethical.

Keywords: image of the temple, picture of the world, Buddhism, space, memory.